

люди искусства

УЧУСЬ ВСЕГДА

Валерий ИВАНОВ

В ТАЛЛИНСКОМ театре «Эстония» идет опера Верди «Трубадур». Партию Манрико поет Хендрик Крумм. Легкой, пружинистой походкой выходит он на сцену. Замер зрительный зал. А у меня в памяти всплыли обрывки рецензий, мнения специалистов, поклонников: «...подобное исполнение приходится слышать далеко не часто», «это один из крупнейших теноров мира», «Крумм — оперный певец, которому по плечу самые трудные партии...»

Нет сомнения, все это так, и все это Крумм продемонстрировал и в этот вечер. Партия Манрико совершенна в его исполнении. Голос, внешность, обаяние, мужественность помогают артисту создать редкий по выразительности образ рыцаря-трубадура. Манрико Крумма — прежде всего героическая натура, воин-освободитель, беспрельдно верный долгу. Взлетая, его голос несется с пламенной силой, полный волевой энергии. Становится совершенно ясным, почему знаменитая «Кабалетта» в свое время стала революционной песней в Италии. Драматическая игра Хендрика Крумма безупречна — ни одного неуместного жеста, ни одной случайной мизансцены. Всю партию он поет в тональности оригинала, справляясь с высокой тесситурой, особенно трудной при современном завышенном оркестровом строе.

Таков Крумм сегодня. На его примере мы еще раз убеждаемся, что талант — не только сплав своеобразных и неповторимых качеств, не только глубочайшая преданность избранному делу, но и заботливость. Природа художника не безгранична. И надо быть рачительным хозяином, надо приумножать данное тебе «от бога», тогда творчество становится значительным и ценным. Хендрик Крумм — выдающийся певец, наделенный красивым голосом, владеющий мастерством фразировки, большим дыханием, вместе с тем и бережливый хозяин своего таланта. Отсюда редкая стабильность этого тенора.

Увлечение скульптурой, резьбой по дереву привило артисту острое чувство характерности, помогло овладеть гримом, пластикой роли. Спорт, которому отдается немало времени, делает его выносливым, способным самые трудные партии петь легко, без напряжения. Большие знания и любовь к художественной и музыкальной литературе позволяют свободно ориентироваться в репертуаре. А дар мастерового, умеющего построить по собственным чертежам камин, дом, нерасторжимая связь с родным краем, с суровой жизнью сааремских рыбаков говорят нам о том, что этот артист — интеллигент, эстет — вырос из народа: в нем так ярко ощущаются душевная чистота, мудрость и вместе с тем юмор, умение повеселиться, от души порадоваться, короче, чисто человеческая щедрость в любых проявлениях. И вот все это, собранное воедино, помогло

Крумму пройти большой творческий путь и стать тем, кем он является сегодня — народным артистом Эстонии.

За последние годы певцом пройден немалый путь — от хориста театра до солиста. Попробуем вернуться в прошлое, вспомнить особо важные страницы жизни певца.

Двадцать лет поет Крумм в театре оперы и балета «Эстония», располагающем первоклассными силами. Рядом с ним многие годы работают Т. Куузик, А. Кюльванд, М. Войтес, У. Таутс, А. Кааль, Т. Майсте, М. Пальм, В. Куслап — вокалисты, широко известные в республике и за ее пределами. Хендрик представляет среднее поколение мастеров театра. Ему сорок лет — возраст творческой зрелости, обогащенной человеческим и артистическим опытом. Природный ум, трудолюбие, смелая, редкая душевная тонкость — вот суть характера эстонского певца.

«Он же с острова Сааремаа», — говорит режиссер театра «Эстония» А. Микк, — а там народ особый, крепко скроенный». И потому, что он до сих пор поет свои партии и на эстонском, и на итальянском языках с приятным мягким акцентом, который является речевой особенностью островитян, и оттого, что в его ролях мы так ясно ощущаем свойственные ему сосредоточенную серьезность и глубокую напряженную одухотворенность, столь характерную для моряков и жителей острова Сааремаа, понимаешь: эти чисто человеческие черты характера сказались на исполнительской манере, проросли в сценических воплощениях певца. К тому же за этой сдержанностью у Крумма где-то внутри спрятан особый огонь, какая-то неожиданная способность взрываться — редкая для эстонца и поэтому особенно впечатляющая, когда Хендрик поет или горячо говорит об искусстве.

Проследивая творческое становление певца, замечаешь, что его лучшие работы связаны с живым противоречивым материалом, дающим возможность вскрыть глубинную человеческих страстей, предельно обострить конфликт, подчеркивающий эпоху, социальную среду, неповторимые особенности личности.

— Серьезное увлечение пением, — рассказывает певец, — у меня обнаружилось сравнительно поздно. Детство и юношество безраздельно были отданы спорту, легкой атлетике. Голос был, но пел я преимущественно в хоре, квартете, увлекался резьбой по дереву. После окончания школы я не знал, что мне делать: то ли пытаться поступить в художественный институт, то ли на спортивное отделение в университет...

Но случай решил его судьбу, и он оказался в музыкальном училище. Прозанимавшись три года, певец почувствовал, что сдвигов к лучшему нет. Этот период был самым тяжелым в жизни. Признаюсь, случались минуты крайнего отчая-

ния», — вспоминает Крумм. Выручает его характер сааремца. Он добивается встречи с известным педагогом по вокалу профессором Таллинской консерватории Александром Ардером, воспитателем плеяды эстонских оперных певцов, в прошлом одним из замечательных вокалистов Эстонии. Маэстро послушал его и, не откладывая, начал заниматься.

Многие ученики А. Ардера вспоминают, что занятия он проводил по своему, очень своеобразному методу. Учитель мог простить плохую ноту, не совсем верную интонацию, но не прощал холодности, бессодержательности. А. Ардер добивался от будущих исполнителей творческих взлетов, их первых личных рекордов. Нечто подобное произошло и на уроке Хендрика. Одно упражнение преодолевалось за другим, и вдруг маэстро остановил: «Хватит! Сегодня мы брали «до» и даже «ре-бемоль»! То, что не удавалось механическим путем, родилось в творческом напряжении, родилось неожиданно и теперь уже стало возможным.

Через полгода работы с А. Ардером Х. Крумм по совету педагога начинает петь в хоре театра «Эстония». Работоспособность и артистическая выразительность молодого хориста позволяют доверить ему небольшие партии в спектаклях. И вот на гастролях в Ленинграде, на одном из концертов он поет с оркестром театра арию Калафа из оперы Пуччини «Турандот». Ленинградцы принимают его восторженно. В 1961 году молодому тенору театр предлагает первую сложную партию — Ричарда в опере Верди «Бал-маскарад». И вот он солист «Эстонии». Осуществляется давняя мечта.

После исполнения партии Радамеса в «Аиде» Д. Верди и участия в 1962 году во Всесоюзном конкурсе вокалистов имени М. Глинки Х. Крумм направляют на стажировку в знаменитый театр «Ла Скала». Три сезона, проведенные им в Италии, дали возможность не только вырасти мастерству певца, но и расширить репертуар. Он подготавливает партии Каварадосси в «Госке», Герцога в «Риголетто» и Альфреда в «Травиате», приступает к партии Манрико в опере «Трубадур». Голос артиста стал звучать во всех регистрах округленно, свободно, ему доступны теперь все краски звуковой палитры. Обогащается и его сценическое искусство. Вернувшись на Родину, Крумм активно включается в театральную и концертную жизнь.

— Вы много выступаете с камерными программами. В одном концерте часто поете музыку самых разных композиторов. Почему вы выбираете столь разнохарактерный и к тому же сложный репертуар? — спрашиваю я Хендрика.

— Для меня подобный репертуар не сложный, а интересный, — отвечает певец. — Он требует тщательного отбора вокального материала, продуманности каждой детали, жеста, достоверности интонирования. Чем это достигается? Прежде всего стараюсь не «перепрыгивать» самого себя. Голос — это мой инструмент, а всякий инструмент требует уважительного отношения и тренировки. Учусь сам, учусь у своих товарищей. Работа с дирижером Н. Ярви, режиссерами У. Вяльяотсом и А. Микком, совместные выступления с певицей А. Кааль, каждодневные репетиции — вот что спрессовывает будни и делает радостными праздники.

Годы идут, Хендрик Крумм готовит новые партии, новые концертные программы. Имя его становится широко известным. Его приглашают в Болгарию, Венгрию, Чехословакию, Японию, Финляндию. Он частый гость в Большом театре СССР и Ленинградском театре имени Кирова. Однако, несмотря на широкую географию выступлений, родной дом — театр «Эстония» — самая желанная сцена. Здесь кузница его ролей, здесь воплощаются заветные замыслы, рождаются столь дорогие ему образы национальных героев. Не случайно одной из его больших удач является партия Неэме, вожака народного восстания в опере эстонского композитора Э. Каппа «Огни мщения». В ней привлекают благородство, одухотворенность человека из народа.

«Ему многое дано, — говорит режиссер театра У. Вяльяотс, — и прекрасный голос с удивительным северным тембром, и артистический темперамент. Его уважают коллеги, потому что он настоящий товарищ, преданный, искренний, скромный. В нем нет ничего от «тенора» — баловня публики. Он настоящий артист, если так можно выразиться, рыцарь оперы, влюбленный в сцену.

● Народный артист Эстонской ССР Х. Крумм.

Фото Г. Вайдла.